

СЛЕД В ЖИЗНИ

Исай Калашников
и его книги

„...И сочувствие к людской боли“

Маргарита
ЛОМУНОВА

...Высокое степное небо. Прокаленные солнцем тела сопок. Ни кустика на них, лишь на горизонте темнеет гребешок леса. Небо, степь, сопки — все насквозь пропитано терпким духом полныи. Такой я вспоминаю землю его детства...

Здесь, в забайкальском селе Шаралдай, где деревенские порядки почти сплошь из закамешных, рубленых еще прадедами изб, вдруг ясно увидишь давний день... Стало разбелось по холмам. Пастушонок, мальчонка еще, чуть не вдвое перегнувшись на лошади: уткнулся в книжку, не видит, не слышит ничего. «Исайка-а!» — истошный крик дружка, такого же маленького, возвращает паренюка на эту землю.

Однотельчанам он так и запомнился: мальчишка с большой брезентовой сумкой через плечо, набитой книжками. А библиотека находилась в райцентре, километров за двадцать от села. Сколько раз, обутый в рваные, потертанные ичиги, мерял он эти версты...

В войну Шаралдай, как и вся страна, жил трудно.

«Мы росли без особого присмотра, самостоятельно вырабатывая понятие о жизни», — вспоминал эти годы Исай Калашников. «В трескучие морозы приходилось с утра до вечера бродить со стадом по заснеженным полям... Мы едва вышли из детского возраста...»

Книги были его страстью. А ведь рос будущий писатель в старообрядческой семье, атмосфера которой вовсе не содействовала «мирскому» чтению. Отца в селе не было, мать от зари до зари в колхозе. Единственной хозяйкой в доме оставалась бабушка.

«С лицом неистой боярыни Морозовой. Она безмерно страдала, когда я стал учиться в школе. Любая книга для нее, кроме полупудовых флиантов со словом божьим, была откровением антихриста...»

За Байкалом, в Бурятии, немало встретится старых русских сел. Обратят на себя внимание темные избы, перегороженные особю, по раскольничьему обычаю на две половинки. Нет-нет мелькнет на сельской улице старуха, одетая в широченный яркий сарафан покроя, непривычного для срединной России.

Вплоть до конца XVIII века шли в этот край сильные семьи староверов, получившие прозвище «семейских». Шаралдайские ребятишки были наслышаны о том, как «канали-маяли, гнули, мытарили мужиков... но семейские твердо стояли на своем», оберегая веру...

В годы гражданской войны Шаралдай оказался в водовороте грозных бурь. И сейчас старики укажут место, где посреди сельской улицы воротами стояла виселица. Здесь приняли смерть от рук японских интервентов и семеновцев партизаны Шаралдая, окрестных сел.

...Спускались на Тайшихину пады сумерки, и перед ребятишками, что работали в войну на ферме, проносились те огневые годы. За старшего был у них Афанасий Филиппович Архипов. Человек замечательной судьбы, хоть и грамоте мало обучен. Сражался в отряде Лазо, партизаном воевал против семеновских банд. Его влияние на будущего писателя несомненно. Рассказы Архипова пробуждали в душе подростка интерес к истории родного края, к удивительной судьбе своих земляков.

В 1950 году семья Калашниковых переезжает в Итанцинский леспромхоз. Здесь другая — лесная Бурятия раскрылась будущему писателю. Спустя годы она придет в его книги «Подлесок», «Через топи», даст темы творчеству.

Исай Калашников работает на валке леса, погрузчиком в мастерских. Ночами занимается у юноши. Всего четыре класса окончил в Шаралдае. Здесь, в Итанце, сдает экстер-

ном за 9 классов, поступает в вечернюю школу, в десятилетий. Вот как рассказывает учитель Итанцинской школы Е. Н. Романовский, ставший прототипом одного из героев романа И. Чернева «Семейщина», о своих встречах в ту пору с будущим писателем. Как-то, было это в 1951 году, Романовский задержался в школе до позднего вечера.

«Вдруг в учительскую входит паренек лет 19, спрашивает, нельзя ли взять какую-нибудь книгу из школьной библиотеки. Ключи от книжных шкафов были у меня. Открываю один, другой — все читал. Я удивился: простой рабочий парень, а прочитал так много... Это был Исай. Он рассказал мне о своем детстве, о Шаралдае... Я любознатель, глядя на него. Одетый небрежно, в хлопчатобумажный пиджачок, он был очень красив — чистой, русской красотой...»

Его очерки, рассказы уже появляются в республиканских газетах. В Итанце он приступает к работе над своим первым большим произведением — романом «Последнее отступление». Роман был впервые опубликован в журнале «Свет над Байкалом» в 1959 году.

Глубокое знание психологии семейского крестьянства, изучение документов позволили молодому литератору создать правдивое произведение о гражданской войне в Забайкалье, раскрыть историческую неизбежность прихода семейских крестьян в революцию. Этот приход был подготовлен уже самой трагической судьбой семьи. За века угнетения у изгнанников накопилась неистребимая ненависть к державной власти.

Да и согласие семейских было «лишь видимостью», — писал И. Калашников. — Какое может быть согласие между богатым хозяином и батраком? Какое согласие могло быть между мелочностью, измывавшей свою душу в веселой песне и искрометной пляске, и сдобородым уставщиком, ревнителем веры, для которого песня и пляска есть увеселение сатаны!

Неоднородной предстает перед нами семейщина уже с первых страниц романа, и, как ни богато она, струя свежего воздуха вливается и сюда, в глухое старообрядческое село. Новое приходит с политическим ссыльным, учителем, с теми бедняками, что вернулись искалеченными с опустыленной родной землей, вернулись к пустым закромам, к горю близких своих.

Труден, сложен поворот семейских крестьян к революции. Молодые — те легче рвут путы семейщины, без страха вступают в неведомую доселе жизнь, подпадают в город. Отгородившаяся было от всего мира семейщина берется за оружие, испытывая на себе самочинство семеновских банд.

В романе немало места уделено дружбе семейских крестьян с бурятами. Эта дружба окрепла в пору революционных битв. Крестьяне осознали, что, только объединившись с бурятским населением, столь же угнетаемым, они добьются победы над карателями, над богатеями.

Для молодого автора уже в первом его произведении характерно внимание к сфере нравственной. И в «Последнем отступлении», и в следующем романе о семейщине — «Разрыв-трава» (он был удостоен премии Бурятской АССР) — писатель, отображая жизнь забайкальского крестьянства в переломные исторические моменты, проследживает изменения в психологии его на примерах отдельных человеческих судеб.

Населенные разными действующими лицами, эти произведения составляют как бы диалог, объединенный одной идеей: переход старообряд-

ческого населения в Забайкалье на сторону Советской власти был неизбежен, подготовлен всем ходом исторического процесса.

...Кровавая кутерьма не обошла стороной Тайшиху, где разворачивается действие «Разрыва-травы». Немало здешних крестьян сражалось в партизанских отрядах. Советская власть установлена. А как жить дальше? Куда идти? Воевали за новую жизнь. Но как ходил Стиха Белозеров в рваные, так и ходит. Богатей Лискуны из тех же партизан работников нанимают.

Те же трудности испытывает глухое забайкальское село. что и любая российская деревня. Вспомним «Вишневы мушкетеры» М. Алексеева, «Былинки в гле» Г. Коровалова — произведения, отразившие тот же период в истории русской деревни. Жизнь нарушила старое, а новых законов «не затвердила». Трудно начинать новое, а здесь, в староверском селе, что веками было «истинною» веру, этот процесс протекает гораздо сложнее.

В романе «Разрыв-трава» мы станем свидетелями жизни семейского села начиная с 20-х годов нынешнего века. Коллективизацию, предвоенную пору, годы войны вберет в себя повествование.

Вернулись в село трое братьев Родионовых. В партизанах воевали. Три брата — три различные судьбы, три возможных пути для семейских крестьян. Характеры несхожие, но одно общее единит и братьев и других жителей Тайшихи — любовь к земле, трудолюбие.

Метания, поиски и обретения старшего брата — Игната — наиболее полно отразили сложный процесс перелома в психологии семейского крестьянства. Игнат принимает на себя завет отца: хранить веру семейскую. Человек он честный, душа чистая. Правдолюбец. Один из тех русских людей, что мучительно ищут смысла жизни. Он — за колхозы, верит в них, но своим умом до всего дойти хочет. Сказывается вековая крестьянская осторожность, усугубленная семейским недоверием, обособленностью. Злодейства бандита Стигнейки, «ревнителя веры», окончательно отвращают Игната от бога. Сложен его характер, нелегко идет по жизни. В причастности к общему делу, к труду общему обретает он счастье. Человек для того и появляется на земле, чтобы память о себе добрыми делами оставить, — вот вывод, к которому приходит Игнат.

Война с фашистами еще более сплачивает крестьян забайкальского села. Отделенная от фронта не десятками — тысячами километров, Тайшиха живет в эти годы той же тяжелой жизнью, что вся страна. И у нее были свои защитники там, на западе. И не древними законами установленными семейщины проверялись в войну поступки людей, а совестью, той совестью, что чутка к человеческой боли и радости.

Произведения писателя о семейщине явились, по сути дела, приступом к работе над историческим романом. И. Калашников охватывает узловые моменты в жизни народа. Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная. Эти события преломляются в судьбах персонажей, и те в свою очередь, становясь в ряды борцов за народное дело, сами вершат историю.

Еще в пору работы над «Разрыв-травой» у писателя возникает замысел большого исторического произведения об эпохе царствования Чингисхана. Сам писатель так трактовал идею романа:

«Находились и находятся люди, стремящиеся доказать, что стремительные войны Чингисхана были благом для народов, что они освободили

их от застоя, вывели на путь внутреннего обновления. Насущий гребень — гибнет и сам — такова одна из основных мыслей романа».

Показать историческую обреченность идеи мирового господства идею задачей художника.

В советской литературе эпохи закатных войн Чингисхана нашла ранее отражение в известном романе В. Яна «Чингисхан». Произведение увидело свет в 1939 году. В Европе полыхал пожар войны. Целью Яна было раскрыть, что несет людям фашизм.

Отдавая должное роману Яна, его значению в осмыслении той эпохи, И. Калашников видел, что тема эта далеко не исчерпана уже хотя бы потому, что перед читателем Чингисхан предстал человеком злым, со сложившимися убеждениями.

«Мне, — говорит И. Калашников, — захотелось проследить его судьбу: как, в каких обстоятельствах складывался его характер, как обстановка влияла на формирование личности».

Откуда взялся «истребитель народов»? Что породило его? Вот вопрос, который волновал писателя. Вопрос, актуальнейший в наши дни.

У Калашникова был соблазн использовать любопытные моменты, запечатленные в древних летописях. В знаменитом «Сокровенном сказании», созданном через 13 лет после смерти Чингисхана, говорится, что Тэмуджин родился со сгустком крови в правой руке. Этот факт мог показаться вымышленным. Писатель отменил его, ибо то была попытка летописца объяснить появление Чингисхана «божественным» предопределением. Но если исключить «божественное», перед читателем явится изверг от рождения, с психикой, отклоненной от нормы. Такому предъявить обвинение трудно. Чингисхан предстает перед судом современности. И. Калашников выносит ему свой приговор, и этот приговор тем суровее, что перед нами обычный человек.

Судьбы многих племен и народов пройдут перед читателем. События обоймут огромную территорию — от степных просторов Монголии до стен Киева, от предгорий Тибета до южной Сибири, воскресит мрачную эпоху походов Чингисхана.

В романе две части — «Гонимые» и «Гонители». И уже в самих названиях — процесс деградации личности Тэмуджина, суть его роли в истории.

В годы кровавой вражды племен проходят детство и юность Тэмуджина, полные невзгод и лишений. Сам жестокий век воспитывает его: «Или покоряйся другим, или покоряйся сам». И Тэмуджин приходит к убеждению: он сам должен стать сильным; будь у него сила, он избавит людей от того, что пережил сам, — от страха, голода, унижения. В этот начальный период деятельности Тэмуджина простые люди поддерживают его, отпрыска знатного рода, идут за ним. Кузнец Джарчиудай, выразитель взглядов народа, отправляет на службу к Тэмуджину сына своего, Джэлмэ. Как всякий простой человек, он не очень-то доверяет нойонам: все лезет «в повозку, и всем хочется править». Но Тэмуджин сам носил колодку раба, и ему ли не знать несчастий харачу (бедняков)?

Психология Тэмуджина меняется не вдруг. Еще преследуемый, гонимый, совершает он свое первое преступление против человечности — убивает двух воинов Таргутаи-Кирилтуха. Жестокость бессмысленная, не вызванная необходимостью. Но скоро она станет оружием в руках Тэмуджина, натуры противоречивой, властной. И вот уже идея по-

корения мира овладевает им. Тэмуджину только кажется, что он выбирает иной путь, нежели тот, на который толкает шаман: покорять сильных, чтобы самому стать сильнейшим. И ненависть его к шаману, сначала неосознанная, — это ненависть, рожденная стремлением обрести всю полноту власти, не деля ее со слугителем неба.

«Человек, не вольный в своих поступках, — раб. А разум раба сонлив и немогущ. Раз и навсегда утвердившись в этой мысли, Чингисхан переступает через все и вся. Теперь легко оправдать любой поступок, любой выбор. Страшная философия «сверхчеловека», взятая на вооружение фашизмом.

Мановением его руки истребляются целые племена. Это уже не стихийное проявление жестокости, а целенаправленное уничтожение народов, способных к сопротивлению. Он не верит ни в дружбу, ни в родство. Только страх, считает он, удерживает людей под одной рукой: «Все-ли страх в сердце человека, и он твой раб». На страхе держится и его армия — разнородная, жаждущая добычи. Процесс разложения ее усугубляется.

А его народ? Дал ли ему Чингисхан обещанные покой и сытую жизнь? Есть в конце романа красноречивый эпизод. Старейший Чингисхан едет с друзьями юности в родные степи — вдохнуть живительного воздуха. Джэлмэ молча ведет его к темнеющей дали степной юрты. Нищие одинокие старики дожидаются в ней свой век. Пятеро их сыновей сложили головы в чужих землях... Вот тот «покой», то «счастье», что принес Чингисхан своему народу.

Полное духовное опустошение, деградация, стужа одиночества — таков удел «покорителя народов» на исходе его пути. И уничтожен сам конец его. Он, убежденный, что вознесся над всеми смертными, «небесным благоволением» отмеченный, умирает от простоты случайности — упав на охоте с лошади.

Много бедствий принес народам жестокий век. Но роман полон жизнеутверждающего пафоса, веры в нескрушимость добра и человечности. Этот гуманистический пафос произведения отомтила газета «Правда». Золотому тому — душа народа, что живет и дает жизнь всему живому; да, «какой бы длинной зима ни была, за нею следует весна».

Работа над «Жестоком веком» заняла десять лет. Это был огромный, напряженный труд. И. Калашников изучил жизнь десятков племен, народов, их обычаи, уклад... Шесть раз переписывал он роман...

А сколько замыслов осталось незавершенными! «Темы обгоняют друг друга, как велосипедисты на шоссе», — признавался писатель. Читаешь его дневники — и поражаешься жесткой требовательности к себе, к творчеству своему. Это та высокая честность наедине с собой, которая заставляла литератора еще и еще раз переписывать листы, прежде чем отдать их людям. Размышляя, что же, кроме таланта, необходимо художнику для того, чтобы заставить человека и по прочтении книги переживать, думать, мучиться, он записал в дневнике: «Беспощадная честность и ясность цели и сочувствие к людской боли». В этих словах — весь Исай Калашников.

Всю жизнь Исай Калашников прожил в Бурятии. Он любил эту землю. Уезжал ненадолго — и скучал по «синему небу над ней, синим сопкам, синим травам ее степей, ее запахам, ее песням». И признавался сам, что во время учебы на Высших литературных курсах в Москве тоска по дому прямо-таки схватывала за горло. И тогда слушал бурятские песни — они возвращали ему отчий край...

(Из газеты «Литературная Россия»).